

Мнение

Памфлет Белинского

В мартовской книжке «Отес. записок» за 1842 появился знаменитый памфлет Белинского «Педаит?» — против Шевырёва. Он произвёл потрясающее впечатление на литературную общественность и явился последней привинной разрыва между западниками и славянофилами.

Мнение

Кто там? О проблеме научного позиционирования наследия Р. Г. Назирова*

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Я уже больше 10 лет занимаюсь публикацией архива Назирова и распространением информации о его наследии. Со временем для меня всё большим вопросом становится проблема позиционирования этой фигуры в научном пространстве. Кто такой Назиров для ученой публики? Кто он для тех, кто не был знаком с ним лично, не стал его учеником, не развивает его идеи? Чем Назиров должен быть интересен современному исследователю?

Вопросы эти совершенно практические: от их решения зависит приоритет того или иного архивного документа в очереди на публикацию, отбор тематики исследовательских статей в соответствующем разделе журнала и более общие вопросы редакторской политики.

Во-первых, Назиров, конечно, *исследователь творчества Достоевского*. В этом качестве он стал сравнительно широко известен при жизни, особенно в узком сообществе достоевистов.

Однако позиционировать архив относительно этой координаты было бы неправильно¹. Дело в том, что в огромном неопубликованном наследии Ромэна Гафановича трудов о Достоевском оказалось не так много. Действительно, архив открыл несколько больших работ, в том числе материалы к монографии о романе «Бесы»² и статьи, объединенные публикатором в книгу о «Преступлении и наказании»³, но в целом объем таких материалов занимает в архиве ограниченное место и работа с ними практически завершена. Самая интересная и неожиданная часть рукописного наследия, которая как раз и требует информационной поддержки, ориентирована вовсе не на фигуру Достоевского, а на более широкие историко-литературные, культурологические и философские обобщения, не имеющие отношения к частным интересам достоевистов.

*Название отсылает к работе И. В. Пешкова о русских переводах первой реплики «Гамлета», см., например, Пешков И. В. Автор «Гамлета» оставил нам свою подпись. М., 2011. С. 58–73.

¹ Доклад о состоянии архива на XXXVIII Международных чтениях «Достоевский и мировая культура» в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского 11 ноября 2013 г., по всей видимости, был ошибкой: в аудиторию он, что называется, не попал, остался ею не воспринятым и не понятым. Его не пришли слушать даже бывшие коллеги Назирова по кафедре, а реакция немногочисленных слушателей была случайной и необязательной.

² Назировский архив. 2013. № 2.

³ Назиров Р. Г. Неизданные труды о романе «Преступление и наказание». Уфа, 2017.

Кроме того, учитывая, что нашему журналу почти ни от кого из этого сообщества не удалось получить ответы на инициированную редакцией анкету⁴, вероятно, следует сделать вывод, что интерес к работам Назирова в достоевистике угасает, а сама среда профессиональных специалистов по творчеству Достоевского достаточно инертна, и энергии её пассивности (если таковая вообще имеется) вряд ли хватит, чтобы затвердить причитающееся Назирову место в истории науки.

Во-вторых, Назиров *историк культуры*, способный делать масштабные обобщения, но не избегающий и анализа частностей, главным образом, на материале художественной литературы (не только русской), далеко выходящей за рамки творчества одного писателя. Вероятно, это потенциально самая интересная часть научного наследия Назирова, лично важная и для него самого. В рамках этой исследовательской парадигмы им написана докторская диссертация (пока что полностью не опубликованная), как он сам её называл, «главная работа», а также с трудом поддающееся подсчёту число статей, набросков неоконченных трудов, очерков для внутреннего пользования в его творческой лаборатории и энциклопедических компиляций.

Глубина и своеобразие научного зрения Назирова таковы, что как мыслитель и историк культуры он должен быть оценен не в меньшей степени, чем М. М. Бахтин или О. М. Фрейдберг. Но реальный статус его текстов радикально иной. Научное сообщество не спешит осваивать неизвестные труды Назирова и встраивать содержащиеся в них идеи в свою исследовательскую практику: ссылок на его наиболее концептуально нагруженные работы в современной научной литературе почти не появляется. Об этом в общих чертах со своих позиций уже рассказывал на страницах нашего журнала С. С. Шаулов¹.

Возможно, проблема в дискретности современного научного поля по сравнению с тем, как оно выглядело в тот момент, когда стали популярными идеи Бахтина. Обмен идеями, несмотря на недостатки каналов передачи информации, происходил интенсивнее, исследователи не замыкались внутри своих научных школ и предметов, старались следить за методологическими новациями в соседних субдисциплинах. В такой обстановке идеям Бахтина было проще «пробиться» к тому, кто мог и хотел их воспринять. Кроме того, процессу помогал и авторитет ИМЛИ, стоящий за толкователями этих идей, В. В. Кожинным и С. Г. Бочаровым, не очень существенный в современных условиях (не авторитет ИМЛИ, а любой центрирующий научное поле авторитет). Наконец, определяющими стали сами фигуры толкователей², тонко чувствовавших время и адаптировавших бахтинские тексты к его запросам.

С Назировым всё это не сработало. Современное научное поле дискретно, внятных толкователей его идей, которые были бы способны разъяснить их привлекательность для филологического знания, пока не появилось. Его научные модели остаются маргинализированными

⁴См. рубрику «Мнение» «Назирова архива» в № 1–3 за 2018 год.

¹Шаулов Сергей С. Современное состояние освоения и вовлечения в научный оборот наследия Р. Г. Назирова и связанные с этим проблемы // Назировский архив. 2018. № 2. С. 89–101.

²На Западе значительную роль в распространении популярности Бахтина также сыграли «толкователи» Ю. Кристева и Ц. Тодоров.

частными суждениями, не способными обновить или даже просто обогатить гуманитарный дискурс — по информационным ли, по сущностно-содержательным ли причинам? Затрудняюсь ответить на этот вопрос. Но позиционирование Назирова как мыслителя и историка культуры не демонстрирует своей перспективности.

В какой-то мере с этим полем соотносятся и работы Назирова *о мифологии и истории фольклорных сюжетов*¹. Тематически они близки трудам об истории литературы и культуры, но в современной модели научного знания оказываются в другом подмножестве гуманитарных дисциплин, среди работ по антропологии, этнологии и фольклористике.

Фольклористами Назиров не был признан «своим» и при жизни², а теперь и его исследовательская оптика, и научный язык и вовсе стремительно устаревают, и надежды на то, что они окажутся актуальны в новом веке, всё меньше³. Несмотря на принципиальный интерес фольклористов к *отдельным* аспектам назировских работ⁴, созданных на фольклорном материале, это направление научного творчества уфимского литературоведа в целом лишено шансов стать центральным для оценки его наследия.

Ещё один сюжет, разворачивающийся вокруг архива Назирова, — это *история отечественной гуманитарной* (прежде всего, провинциальной университетской) *науки второй половины XX века*. Публикация части переписки Р. Г. Назирова с саранским литературоведом С. С. Конкиным⁵ приоткрывает завесу над фондом документов, способных осветить структурные связи, профессиональные, социальные и личные отношения филологов, создававших нашу науку в 1970–1980-х годах. Сам по себе интерес к истории университетской жизни очевиден⁶, но в сферу внимания исследователя попадают, в основном, события столичной жизни. Однако провинциальная наука также этого внимания заслуживает.

В то же время документов этой тематики в архиве не слишком много. Там можно найти любопытную переписку с Г. М. Фридлендером, отдельные письма менее заметных персон, журналирование значимых конференций, но систематического описания на этой базе источников построить будет нельзя.

Архив открыл и ещё одну неожиданную сторону Назирова. Он может быть оценен как старательный *бытописатель советской цивилизации* и встроиться в исследования⁷ повседневных практик советского человека. Обширные дневниковые записи, созданные Назировым с начала 1950-х по конец 1960-х годов, тщательно фиксируют разнообразные стороны

¹См. Орехов Б. В. Новонайденные статьи об истории сюжетов // Назировский архив. 2015. № 4. С. 17–20.

²См. об этом в Орехов Б. В., Шаулов С. С. Концептуальные пространства Л. Г. Барага и Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2017. № 1. С. 111–119.

³См. об этом в интервью, которое дал нашему журналу С. Ю. Неклюдов в № 3 за 2017 год.

⁴См. Топорков А. Л. Рецензия на: Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти: Статьи и исследования разных лет / Ред. Р. Х. Якубова. — Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010. — 408 с.; Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. — Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2014. — 292 с. // Традиционная культура. 2016. №2. С. 162–167.

⁵Письма С. С. Конкина Р. Г. Назирову // Назировский архив. 2018. № 4. С. 9–15.

⁶Мы также приложили руку к её фиксации, см. Орехов Б. В. Предисловие к публикации [проекта «Филологический факультет Урало-Поволжья»] // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2018. № 1. С. 119–121. Ссылки на другие публикации этого поля там же.

⁷См. ежегодную конференцию «Конструируя “советское”?» в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

жизни того времени, служат ценным и не рядовым источником необходимой исследователю информации.

Насколько дневник Назирова своеобразен и смотрится ли он более выигрышно на фоне существующей коллекции эго-документов эпохи¹, ещё предстоит узнать, но на текущий момент именно эта часть архива выглядит особенно перспективно для стороннего исследовательского взгляда².

Это несколько неожиданно, так как в этой эманации Назирова неостребованными оказываются определяющие для него качества: не важно, что он уже после окончания дневника становится выдающимся литературоведом, складывающим в стол свои исследования историком культуры и мифологии, не важна его знаменитая эрудиция и вообще вся научная и околонучная часть архива — то, что казалось и кажется в нём самым ценным и достойным публикации.

Кроме этого, Назиров был *писателем*. Моё мнение: в этом он не достиг сколько-нибудь заметных успехов, о чём мне уже приходилось говорить³, и повторяться не хочется.

Наконец, архив Назирова всё чаще становится *набором данных для количественного компьютерного анализа*⁴. В сети выложен открытый датасет, предназначенный для экспериментов в духе цифровых гуманитарных исследований⁵.

В то же время в современном мире, где растут и сами объёмы доступных данных, и темпы, с которыми этот рост увеличивается, это, вероятно, не самый привлекательный фактор для обращения пристального внимания именно на наследие Р. Г. Назирова.

Как мне представляется, итог пока неутешительный. Самые очевидные способы позиционирования наследия Назирова не находят сочувствия в научном сообществе, а второстепенные — хотя и имеют некоторые перспективы — всего лишь выглядят способными поборотся в конкурентной борьбе с чем-то аналогичным и, вполне возможно, в итоге проиграть.

Никакой *killer feature* наследия Назирова пока обнаружить не удастся, и это ставит под сомнение осмысленность всего проекта публикации его архива. Возможно, что на страницах нашего журнала всё же удастся найти такую конфигурацию, при которой тексты Р. Г. Назирова получат шанс встроиться в современное и будущее гуманитарной науки.

¹См. проект «Прожито», <http://prozhito.org/>.

²Наблюдательность Назирова и его способность выразить самое ценное для нашего современника-историка в той эпохе подтверждают слова Д. И. Зубарева (интервью с ним готовится к публикации в «Назировском архиве») о том, что в книге М. Михайлова «Лето Московское» многие наблюдения принадлежат именно Назирову.

³Орехов Б. В. Назиров-писатель: внесистемный профессионал или рефлексорирующий дилетант? // Назировский архив. 2017. № 2. С. 99–103.

⁴Орехов Б. В. Моделирование терминологического тезауруса работ Р. Г. Назирова о мифологии и истории фольклорных сюжетов // Назировский архив. 2015. № 2. С. 118–131; Самойленко К. В. Формальная оценка удобочитаемости текстов Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2018. № 4. С. 41–91 и др.

⁵<https://github.com/nevmenandr/nazirov-texts-dataset>

